

ЗА СТРОИТЕЛЬНЫЕ КАДРЫ

Орган парткома, комитета ВЛКСМ, месткома, профкома и дирекции Московского ордена Трудового Красного Знамени Инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева

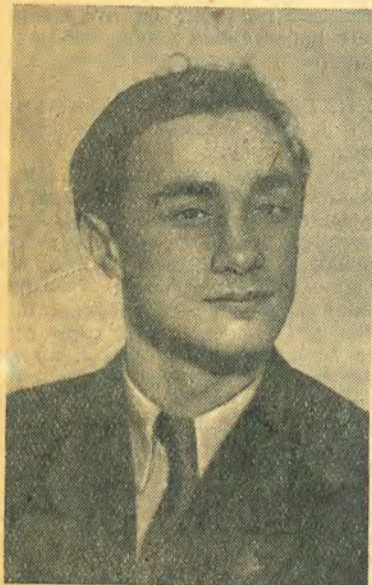
№ 17 (36) Понедельник, 14 мая 1956 года Цена 20 коп.

Так учиться!

В начале семестра, когда никто из студентов еще не думал о зачетах, Лева Зарецкий пришел на кафедру иностранных языков и сказал, что хочет сдать «тысячи». Преподаватель удивился: почему такая спешка?

— Видите ли, нет никакого смысла откладывать, — ответил Лева, — раз я знаю предмет, почему же его не сдать сейчас?

Нужна большая уверенность в своих силах, чтобы говорить так. Уверенность, основанная на знаниях, и знания, основанные на упорном повседневном труде, — именно это является отличительной чертой студента III курса Л. Зарецкого, одного из лучших на механическом факультете.

Окончив среднюю школу с серебряной медалью, Л. Зарецкий также хорошо учится в институте. «Кто хочет — тот добьется» — вот его девиз. Имея такие же способности, как и большинство студентов, Зарецкий отличается от многих своим умением трудиться. Он хорошо понимает, что у человека, считающего время минутами, его гораздо больше, чем у того, кто считает часами. Лева не хочет ничего откладывать «на потом», запустить. Если уж он берет в руки книгу, то обязательно докопается до сути. Если уж запоминает, то надолго. Мы знаем немало студентов, считающих ежедневный труд чуть ли не признаком дурного тона. Лева Зарецкому всегда была неприятна эта «философия» безволия и лени.

Сдав свою первую сессию на «отлично», Л. Зарецкий вот уже третий год не имеет ни одной «четверки». Ему по заслугам присудили стalinскую стипендию. Пример Л. Зарецкого свидетельствует о том, что всякого рода ссылки на занятость общественной работой, якобы мешающей учиться, — пустая болтовня. Лева был в группе комсоргов, сейчас он — председатель СНО института.

Об исключительном трудолюбии Лева Зарецкого можно было бы сказать еще многое. Но нам сейчас, накануне сессии, хочется подчеркнуть другое: не все студенты научились уважать своих товарищей за трудолюбие. Находятся и такие, кто позволяет себе иронизировать по поводу усидчивости отличников. Чаще всего это делают люди, сами не способные так сделать, поработать даже один день.

На производстве передовой человек, новатор, пользуется всеобщим уважением и почетом. Такое же отношение к лучшим студентам должно быть и в институте. Людям, которые с гордостью нашего коллектива.

Накануне

Эта статья написана 8 мая, накануне начала экзаменационной сессии у студентов четвертых курсов. Как подготовились они к экзаменам?

Из семи факультетов только на двух студенты нормально работали в семестре. Студенты строительного факультета все зачеты сдали в срок, до сессии. Не сдала только одна Б. Панифедова, да и то из-за болезни. Хорошо обстоят дела и на факультете водоснабжения и канализации. Здесь зачеты сдали 95,9 проц. студентов.

Что же касается других факультетов, то картина совсем иная. Из 171 студента гидротехнического факультета все зачеты сдал лишь 51 человек. Особенно позорное положение в группе ГС-IV-Г-1, в которой нет ни одного студента, сдавшего все зачеты. В группе КПГС IV-1 не сдали зачетов более половины студентов, точно так же, как и в группе ГСХ-IV-2.

Особенно плохо прошла сдача зачетов на кафедрах водного хозяйства и морских портов, металлических конструкций, деревянных конструкций, городского хозяйства. В плохой успеваемости, бесспорно, виноваты прежде всего сами студенты. Нельзя отрицать, однако, и вины деканов и заведующих кафедрами, которые плохо контролируют работу студентов в течение семестра. Отсутствие должного контроля, начиная с первого курса, в конце концов приводит к тому, что приходится ставить вопрос об отчислении из института студентов IV и даже V курсов.

Удивляет, как это еще до сих пор числятся студентами института В. Фарафонов, Б. Грибов, Р. Ушаков (ГС), Э. Урюмов, Б. Маланичев (ПГС) и ряд других молодых людей, которые явно не желают учиться.

Печальный опыт некоторых старшекурсников, которые из-за своей халатности не только останутся без стипендии, но и наверняка получат в сессию неудовлетворительные оценки, должен послужить наглядным уроком для студентов младших курсов.

С. КИСЕЛЕВА, сотрудник учебной части.

ПО БАУМАНСКОМУ КОЛЬЦУ

8 мая проходила традиционная эстафета по Бауманскому кольцу. В ней участвовал и коллектив МИСИ. Команда в целом оказалась слабо подготовленной. Кроме того, ниже своих возможностей выступили Фокин, Першин, Злотина. Сказалось и отсутствие одного из сильнейших легкоатлетов Москвы М. Мандельбаума.

Как проходила эстафета? После первого этапа команда МИСИ отставала на 30 метров. На втором этапе чемпион Москвы Х. Гомес не только ликвидировал проигрыш, но и вывел нашу команду вперед. Савотина увеличила просвет до 15 метров.

Этот успех оказался кратковременным. Команда последовательно перешла на второе, третье и, наконец, на четвертое место.

Предпоследний этап блестяще прошла К. Никитинская, отыгравшая более 50 метров у представительницы Автодорожного техникума. Она вывела команду на третье место. Заключительный этап не внес изменений.

Итак, третье место. Результат малоприятный.

Строящийся Китай

В СОСТАВЕ советской делегации мне довелось побывать в Китайской Народной Республике.

Встретили нас китайские товарищи очень тепло, исключительно гостеприимно. Благодаря столь радужному приему нам удалось, несмотря на короткий срок, многое увидеть. Мы посетили крупные города — Пекин, Шанхай, Нанкин, Ханькоу, Тяньцзинь, познакомились с некоторыми государственными деятелями КНР. Нам удалось увидеть инженерные и общественные сооружения, большие стройки, вузы, осмотреть величественные исторические и архитектурные памятники, побывать в театрах Пекина и Ханькоу.

Конечно, как и многие советские люди, мы отлично знали, что китайский народ под руководством Коммунистической партии уверенно идет по пути социалистического преобразования страны. Но то, что нам довелось увидеть своими глазами, превзошло самые смелые ожидания. Больше всего поразило упорство, с которым китайский народ идет к намеченной цели.

Наша поездка была связана с решением вопроса об устройстве опор моста через реку Янцзы у г. Ханькоу. Этот мост — крупнейшее сооружение из всего комплекса, который необходимо возвести, чтобы осуществить первый мостовой переход через величайшую реку Китая. Переход свяжет в одно целое три отделенные друг от друга мощной водной преградой города — Ханькоу, Ханьян, Учан, объединенные ныне в один административный центр.

В процессе этого строительства необходимо уложить 130 тысяч м³ бетона и железобетона, погрузить в грунт 1810 штук железобетонных свай и труб большого диаметра,

смонтировать 25 тысяч тонн металлических пролетных строений, разработать 1 760 000 м³ грунта.

Мост через реку Янцзы строится двухъярусным: под двухпутное железнодорожное движение в нижней ярусной и городской проезд шириной 18 метров — в верхнем.

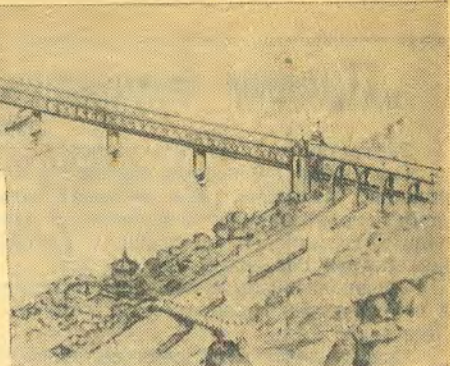
Полная длина моста — 1670 метров. Речная часть моста перекрывается девятью металлическими пролетными строениями (по 120 метров каждое) со сборным железобетонным настилом. Береговые эстакады — железобетонные, частично сборные.

Наиболее трудно выполнимой частью работ является сооружение речных опор. Гидрогеологические условия реки Янцзы для строительства моста очень неблагоприятны. Глубина реки даже в период наибольшего спада воды достигает в этом месте 23 метров, колебание горизонта воды превосходит 18 метров, а скорость течения доходит до 4 метров в секунду. Высокие паводки продолжают в течение трех месяцев, очень часты штормы.

Проектным заданием предусматривалось возвести опоры моста с помощью кессонов. Однако осуществление кессонного способа в гидрогеологических условиях реки Янцзы было затруднительно из-за значительных трудностей в отдельных периодах глубина спуска кессона от уровня воды могла бы превысить 40 метров и давление воздуха в камере превзойти допустимый предел. Кроме того, наводка кессонов при большой скорости течения была бы тоже очень сложной.

Конечно, можно было бы и не производить работ при высокой воде, но ввиду большой длительности паводков это нарушало бы равномерность ведения работ и

Проект моста через р. Янцзы

увеличивало бы их сроки.

Учитывая трудности кессонного способа возведения опор, китайские специалисты совместно с группой советских специалистов разработали опоры на железобетонных столбах-трубах диаметром 1,55 м, заделываемых в скалу.

В опорах, у места расположения которых мощность песчаных отложений над скалой большая, столбы-трубы перекрываются высоким ростверком, а в тех опорах, где мощность песчаных отложений невелика, — низким ростверком.

Погружение труб в грунт до скалы осуществляется с помощью вибропогружателя с применением подмыва. Заделка труб в скалу производится после очистки полости их от грунта: для этого внутрь трубы опускается долото диаметром 1,3 метра, которым выбивается в скале скважина на глубину около 4 метров ниже трубы.

После этого производится подводное бетонирование скважин в полости труб. Ростверк бетонировается также подводным методом под защитой шпунтового ограждения.

Этот метод оказался весьма эффективным.

Подготовительные и опытные работы по сооружению опор моста были начаты в первом квартале 1955 г. К основным работам приступили с сентября, а к моменту нашего посещения работы были широко развернуты на всех речных и береговых опорах.

Правительством КНР установлен срок открытия железнодорожного движения по мосту —

1 января 1958 г. Успешный ход строительных работ дает уверенность, что сооружение моста будет завершено досрочно.

Крупные успехи добились китайцы и в строительстве других сооружений. Городской мост через Ханьшуй длиной в 320 метров был построен за год, а его восемь опор, основанных на трубчатых железобетонных сваях длиной до 30 метров, возведены всего за четыре месяца. Железнодорожный мост через Ханьшуй длиной в 350 метров построен всего за 11 месяцев. Советский павильон в Шанхае, основанный на кессонах, построен за 9 месяцев.

Железнодорожная линия Шанси — Фунтай связывает Пекин с магистралью Дзининь — Улан-Батор. На ее участке протяжением 62 км. построено 65 тоннелей, в том числе 9 тоннелей длиной свыше километра. Проходка тоннелей в среднем составляла 8 метров в сутки, а в отдельные дни доходила до 13 метров. На всем протяжении линии имеется 80 мостов, в том числе 12 мостов длиной свыше 100 метров. На каждый километр приходится 50 тысяч м³ земляных работ, преимущественно в скальных грунтах.

Работы по сооружению этой линии были начаты во втором квартале 1953 года частями Восьмой дивизии Народно-освободительной армии и завершены 1 июля 1955 года — в годовщину образования Коммунистической партии Китая. Н. СОКОЛОВ, доцент.

ВЕНГЕРСКИЙ студент Шандор Крапнай написал в нашу газету

ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА

Что ж, вывод правильный. И вообще, это очень хорошо, что человека задело за живое. Наташа — молодец. Если ее так искренне волнуют общественные дела, значит она настоящая комсомолка. Хочется верить, что она не ограничится этим письмом в редакцию, а сумеет придумать интересные предложения, по-настоящему расшевелит и увлечет ребят у себя в группе.

Наташа Фролова, однако, права не во всем. В ее письме читатели нашей газеты правильно подметили нотки изживенчества. А ведь изживенчество — враг комсомола. Не случайно, отвечая Фроловой, студент А. Мацкевич сказал: «Вы — молодцы, но не настолько, чтобы не уметь обходиться без нянек».

В этом с Мацкевичем, разумеется, все согласны. И все же его письмо, так же, как и четвертое письмо в редакцию — В. Федорова, вызывает неудовлетворение. От этих писем отдает таким благодушием, успокоенностью.

Но полно, так ли уж у нас все хорошо, как пытаются изобразить Федоров? Конечно, нет. Свобода всю полемику к критике наиболее слабой части статьи Фроловой, ее оппоненты, по существу, спрятались в кусты, ушли в сторону от основной

темы — прямого разговора о комсомольской работе в группах. А поговорить есть о чем. Ведь не секрет, что у нас значительная часть комсомольцев стремится отпихнуться от всяких общественных дел. Во многих группах нет коллектива, зато есть «группки», противопоставляющие себя друг другу. Собрания проходят скучно — это факт. Но почему? Чаще всего потому, что не хватает инициативы в постановке действительно острых вопросов, не хватает принципиальности. Выступая на собраниях, комсомольцы порой боятся «задеть» или «обидеть» товарища, поэтому критика у таких ораторов получается какая-то «паточная». Кого она заденет за живое? Ясно, что никого. Не потому ли на собраниях молчат, зевают, читают книги?

Конкретные предложения всегда важнее теоретических споров. Было бы лучше, если бы комсомольцы, обсуждая вопросы комсомольской работы, связали их непосредственно с подготовкой к Всемирному фестивалю молодежи и студентов. Перед каждой группой открыты сейчас все возможности для самой широкой инициативы.

А. ШАТРОВ.

„Прошу передать студенту“

Лейпциг, 28 апреля 1956 г.

Здравствуйте, дорогие советские друзья! Сердечный дружеский привет из Германии, своей прекрасной родины, посылает вам молодой немец. Я — студент Высшего строительного заведения в Лейпциге. Я — член Свободной германской молодежи и кандидат Социалистической единой партии Германии. Мне 19 лет.

Среднюю школу я окончил в Саксонии, где жили мои родители, а сейчас учусь в городе, где учился наш великий поэт Иоганн Вольфганг Гёте.

Почему пишу я? У меня маленькое желание. Я и другие товарищи нашего института хотели бы переписываться со студентом или студентом вашего института. Мы будем рассказывать друг другу о многих интересных делах, связанных с будущей профессией, о своей родине, о своей жизни и т. д.

Я немного учился русскому языку, как видите, это письмо написал по-русски. Учился я также французскому и даже латинскому языкам. Интересно строительство, архитектуру, спорт и также немного филателией. Очень люблю природу.

Я прошу передать мое письмо студенту, который хочет переписываться со мной и который, может быть, тоже немного говорит по-немецки.

Извините, пожалуйста, мои ошибки.

Вольфганг ЧЕРН.

Мой адрес: ГДР, Лейпциг С-3, ул. Коха, 49-П у Лезера.

Лейпциг. В этом здании прежде помещался имперский суд, в котором фашисты устроили провокационный процесс над Георгием Димитровым. Сейчас здесь музей Димитрова.

Снимок В. Черна.

Дем-беседа...

ФЕЛЬЕТОН

Пощечина

— А Х, ТЫ НЕ ПОИДЕШЬ со мной танцевать?! Так получай же!

Хлоп! Удар по лицу, женский визг, всеобщий переполох. Ошеломленные, застыли на месте пары, кто-то стремительно побежал за комендантом, и только радиолу по инерции продолжала извлекать душу: «Мне бесконечно жаль твоих несбывшихся мечтаний...»

— Я этого так не оставляю, — всхлипывала, держа за щеку, Тая М., — ты у меня ответишь!

Пока девушки утешали свою оскорбленную подругу, товарищи пытались привести в чувство ее обидчика. Укротить разгоряченного вином и ревностью Евгения А. было не так просто.

— Опомнись, друг, — пытался урезонить приятеля Арам Чилиджян и в наказание за свою попятку тут же был укушен в подбородок. Надо отдать должное Араму: «раненый», он не только не покинул поля битвы, но даже сумел дотащить Евгения до кровати. Операция эта в общем прошла успешно, если не считать, что по дороге к постели одному из студентов Евгений похода разбил нос, другому разорвал костюм, а третьему перекусил браслет от часов.

— Спи! — приказали укротители «герою».

Тяжело дыша, они пошли прочь. Но Евгений и не думал спать. Еще долго в третьем корпусе Дорогомиловского общежития слышался его угрозы и причитания. Угрожал он всем без разбору, зато у жалоб и причитаний был точный адрес.

Здесь следует сказать несколько слов об истории романа, героями которого, как у Пушкина, были Евгений и Татьяна.

Молодые люди познакомились в сентябре, когда листья деревьев на московских бульварах были лишь слегка опалены дыханием осени. В отличие от своего пушкинского тезки, наш Евгений не думал отвергать любовь Татьяны. Наоборот, он всячески стремился добиться взаимности. И Таня вначале нравилась Евгению. Он казался ей человеком умным, начитанным, рассудительным. Правда, его за что-то недолюбливали товарищи, что-то в каждом человеке есть слабости.

Никому не удалось поймать за хвост кошку, пробежавшую однажды между ними, а теперь, за давностью, даже с приблизительной точностью трудно установить, когда произошло это печальное событие. Только с некоторых пор Тая стала рассматривать дружбу с Евгением, как приятное, но мимолетное знакомство. С мастерством истинной кокетки она старалась затуманить парню и без того уже затуманенную голову.

— На вечер я пойду с подружкой, — сказала она как-то тоном, не допускающим возражений, а на следующий день притворно вздыхала: — Знаешь, без тебя скучно было...

А Новый год? Они уговорились провести его вместе, с Евгением встретил праздник вдвоем с бутылкой вина: Тая веселилась где-то с другими.

Так из бутылки, словно из огнетушителя, заливая Евгений разгорающийся пожар сердца. В эти минуты он угрожал Тане, что куда ее не пустит, избьет и даже может ее зарезать. Но хмель проходил, и из тех же самых уст сыпались признания, извинения и жалобы на горькую судьбу.

Легкомыслие и кокетство далеко завлекли Татьяну М. Она уже не могла остановиться. Она будто не видела, что человек мучается, не слышала, как шуткаются ее подружки, подсмеиваясь над Евгением. Тане льстило, что из-за нее страдает парень, это подымало ее в собственных глазах.

Жаль, у Евгения не хватило выдержки и воли, чтобы развязать этот узел. Он сделал другое: «Ах, ты не пойдешь со мной танцевать?! Так получай же!»

Напиться пьяным и ударить девушку? Что же, это, пожалуй, хороший выход — для слоняты и труса.

Студент факультета ПГС Евгений А. приходил к нам в редакцию. Он заверял, что тяжело переживает случившееся, считает свое поведение возмутительным. Евгений дал слово, что впредь никогда в жизни не совершит хулиганского поступка. Мы поверили в искренность его слов и поэтому решили не называть здесь фамилии Отелло из Дорогомиловки.

В. ЭЗЕРС.

Встречи в ВУЗ'ах

2. СЕНСАЦИЯ

— ВЫ К НАМ приедете 25 июня? — спросил меня секретарь комитета комсомола МИИТа, к которому я зашел, чтобы сверить несколько фактов и фамилий в корреспонденции об экзаменах.

— А что у вас будет?

— Сенсация.

Про журналистов иногда говорят, что они-де падки на всякого рода сенсации. Многие преувеличено в этих разговорах, но что верно, то верно, — новости газетчики любят. Рабочий день уже закончился, и в кармане у меня лежали два билета в театр. Риск опоздать на спектакль был велик, однако и соблазн остаться — не маленький. Я с тоской посмотрел на часы.

— Раздевайтесь, не пожалуйте, — рассмеялся секретарь, верно угадав мое состояние, — честное слово, это — стоящее дело...

Кончилось тем, что в театр я тогда так и не попал, но зато услышал интереснейший рассказ о незаурядном человеке. Уже на следующий день я вновь приехал в институт, чтобы лично встретиться с этим человеком: редакция поручила мне написать о нем очерк.

На кафедре строительной механики меня познакомили с художавым светловолосым юношей, одетым в синий китель инженера-железнодорожника с комсомольским значком на груди. Внешне он настолько ничем не выделялся, что, признаюсь, я даже усомнился: право, о нем ли рассказывал секретарь комитета? Но это был он — Владимир Болотин.

— Вы хотите писать обо мне? — полюбопытствовал Болотин, и в глазах у него вспыхнули едва уловимые искорки смеха. — А, может быть, лучше я сам продиктую статью о себе?

— Что ж, диктуйте, — я старался взять тот же тон.

— Пишите: «Молодой талант Владимир Болотин склонился над грудой толстых книг. Его гениальный лоб был сосредоточенно-трудолюбиво наморщен, в его глазах ясно проглядывала дерзкая проблема, которой он был в тот момент озабочен... Еще или хватит?»

— Хватит. Если вы такой же ученый, как очеркист, то мне, пожалуй, и писать-то не о чем.

— Ну, это вы не остаете. В науке у меня лучше получается... Так завязалась беседа. До 25 июня — дня защиты диссертации — мне удалось встретиться с ним еще несколько раз, поговорить о нем со многими людьми.

В средней школе Владимир Болотин учился лишь семь лет. Годы два он работал, а потом экстерном «отлично» сдал экзамены сразу за три класса и поступил на первый курс в МИИТ. В начале второго курса он пришел к директору института и попросил перевести его на другой факультет.

— Почему? — удивился директор.

— Я просмотрел, конечно, в самых общих чертах, литературу по профилю факультета, и решил, что это меня не очень устраивает.

— Занайство следует пресекать на корню, — сурово произнес в ответ директор и приказал секретарше пригласить в кабинет нескольких профессоров. Профессора задавали Владимиру вопросы по различным дисциплинам и поражались: он отвечал так, как ответил бы далеко не всякий старшекурсник. Просьбу Владимира о переводе на другой факультет пришлось удовлетворить.

Прошел год. Однажды один из профессоров зашел к нам в Ученом совете докторскую диссертацию. Выступили оппоненты, диссертант ответил на все вопросы — можно было приступить к голосованию.

— Можете быть, — еще есть желающие выступить? — больше для по-

См. номер за 7 мая 1956 г.

рядка спросил председатель. И вдруг из середины зала поднялся юноша:

— Разрешите мне!

Выйдя к столу, он поправил спадающие на лоб волосы и, немного подумав, сказал:

— Мне кажется, диссертант в самой основной части своей работы ошибается, исходит из неправильных предпосылок...

В течение десяти-пятнадцати минут он развивал свои мысли, приводил доказательства, серьезно ставящие под сомнение обоснованность выводов диссертации. «Кто это? Аспирант? Ассистент?», — с удивлением спрашивали ученые из других вузов, присутствовавшие при защите. Им отвечали: это — студент третьего курса Владимира Болотина.

Примерно в то же самое время, по совету заслуженного деятеля науки и техники профессора Ивана Петровича Прокофьева, Болотин увлекся строительной механикой. Чем больше читал он книг, монографий, статей, тем больше и больше захватывала его эта наука. С десятком докладов сделал Владимир в студенческие годы. И каждая его работа поражала своей оригинальностью, дерзостью в постановке сложных технических задач и смелым решением их. Он как будто нарочно искал трудностей и жадно брался за все новое, неизученное, неисследованное.

С отличием окончив институт, Владимир одновременно сдал кандидатский минимум. А через год он уже был готов защищать докторскую диссертацию. Однако из этого ничего не вышло. Болотину сказали: торопиться не следует, получите сначала звание кандидата наук. Тогда он отложил в сторону готовую работу и, взяв новую тему, проделал очень ценное исследование. Блестяще защитив кандидатскую диссертацию, Болотин опять стал заниматься своей основной темой — теорией динамической устойчивости сооружений.

Первая работа по этой теории появилась в печати за два года до того, как родился Владимир. Но когда они встретились, встретились вплотную, он выглядел много старше ее. Он был уже взрослым в науке, а теория эта — грудным младенцем.

Еще студентом Владимир ознакомился со всеми исследованиями в этой области. Он мог пересчитать их по пальцам. В огульных работах решались лишь частные задачи. Общей теории динамической устойчивости сооружений фактически не существовало. Ученые умели определять только условия, при которых возникают опасные динамические колебания. Частота этих колебаний, их амплитуда, способы борьбы с ними оставались неизвестными. А между тем практика настоятельно требовала скорейшей разработки этих вопросов. Необходимо было создать научный метод, который позволил бы при расчетах различных конструкций на вибрационную нагрузку заранее предсказать размеры колебаний. Особенно остро ощущалось отсутствие такого метода в строительстве мостов, при проектировании электровозов, быстроходных двигателей, компрессоров и других машин.

Глубокой разработке этого раздела строительной механики и решил посвятить свою докторскую диссертацию комсомолом Владимир Болотин. Потом, когда диссертация была закончена, многие в институте не могли понять, как удалось ему проделать такую огромную работу меньше чем за два года. Они исключили этот срок с момента зачисления Болотина в аспирантуру. А в действительности он начал работать над темой докторской диссертации еще на третьем курсе института. Старого запаса, разумеется, хватил

ло ненадолго. Молодой ученый проделал целый ряд оригинальных исследований. Когда стало ясно, что без новых математических средств продолжат начатую работу невозможно, Болотин в короткий срок освоил сложные разделы высшей математики и применил их в своих исследованиях. Используя современную технику, он терпеливо проверял в лабораторных опытах полностью подтвердили правильность теоретических выводов.

...Владимир защищал докторскую диссертацию 25 июня 1952 года. Я приехал в институт за полчаса до начала защиты, но в аудитории, рассчитанной на 300 человек, уже не было ни одного проходного места. Люди стояли в проходах между столами, сидели на подоконниках, теснились в дверях.

В глубине, на большом экране один за другим сменялись кадры — схемы, формулы, уравнения. Наконец, вспыхнул свет, и я увидел Владимира, неторопливо вытирающего лоб платком. То, что сказали о его диссертации официальные оппоненты — доктора технических наук Н. И. Безухов, Б. Г. Корнев и И. И. Гольдзубат — можно выразить в трех словах: выдающийся вклад в науку.

Часа полтора, не меньше, Болотин отвечал на вопросы. Нужно было видеть, что там происходило! Вероятно, кое-кому из присутствовавших в зале ученых работа, предложенная комсомольцем, казалась слишком дерзкой. Со всех сторон слышались вопросы. Владимир отвечал на них с достоинством, ни на минуту не теряя самообладания.

— Вы напрасно говорите, что подобный случай нигде не описан в литературе, — парировал он очередной «удар». — Я читал об этом в немецком журнале, а недавно о том же сообщалось в ученых записках одного из американских колледжей...

При этом он ссылаясь на конкретные номера журналов: Болотин читал техническую литературу на трех иностранных языках.

Решение Ученого совета о присвоении Болотину степени доктора технических наук было встречено залом громом аплодисментов. Владимира, как мухи, облепился репортеры столичных газет. Его фотографировали со всех сторон. Когда подошел я, он испуганно, как бы защищаясь, поднял руку:

— Вы будете меня интервьюировать сейчас? Побойтесь бога! Вид у него был настолько страдальческий, что мне с трудом удалось сдержать невольный смех:

— Нет, что вы! Я всего лишь хотел вас поздравить...

От репортеров Болотина спас заведующий кафедрой строительной механики профессор И. П. Прокофьев. Взяв диссертант под руку, он отвел его в сторону. Признаюсь, мне все же удалось «подслушать» их разговор.

— Поздравляю, от души поздравляю, — по-отечески ласково говорил Владимир генерал-директор.

— И вас также, Иван Петрович.

— Но при чем же здесь я?

— В успехе ученика всегда есть немалая заслуга учителя. Кстати, ведь я уже двадцать четвертый доктор из числа ваших учеников...

И крепким рукопожатием они как бы скрепили все общее, что было в них. Оба окончили Московский институт железнодорожного транспорта: Иван Петрович — в первый выпуск, Владимир — пятьдесят лет спустя. Оба доктора технических наук: Ивану Петровичу — семьдесят пять лет, Владимиру — двадцать пять. Оба неутомимые исследователи, посвятившие свою жизнь великому делу — служению советской науке.

А. ЛЕВИКОВ.

Редактор Г. Н. СМЕРНОВ.